

Document 6. Letter to Minister of Justice Alexander Kerensky, with a cover letter to chairman of the Petrograd Soviet Nikolai Chkheidze, from worker and deserter A. Zemskov, Kuban region, 26 March 1917. GARF, f. 6978, op.1, d. 296, ll. 39-45ob. Manuscript. Ellipses in original.

Товарищу Н.С. Чхеидзе

Надеюсь, что Вы великодушно простите меня за ту дерзость, которую я, неизвестный Вам рабочий, позволил себе, обращаясь к Вам с своей, может быть, странной для Вас просьбой. Я осмеливаюсь просить Вас передать приложенное к сему моё письмо А.Ф. Керенскому. Непосредственно к нему я не обратился потому, что хорошо знаю, что А.Ф. Керенский завален перепиской, как по министерству, так и частной. Поэтому я думаю, моё к нему письмо или совсем не попадёт, или попадёт через очень долгое время. И я решил направить письмо через Вас, как через ближайшего к нему лица и сотрудника в политических делах настоящего момента.

Рабочий А. Земсков

Милостивый государь,
господин Министр!

Позвольте мне, бедному рабочему, живущему на окраине России, хотя в письме высказаться по поводу прошедших и текущих событий данного исторического момента. Обращаясь к Вам, как лицу, исповедывающему пролетарский мировоззрения, и защитнику интересов трудящихся классов, я должен всё-таки просить Вас простить меня за то, что я, ничтожный рабочий, осмелился обратиться к Вам, великому политическому деятелю, имя которого покрыто славой, с письмом, в котором я излагаю только свои личные взгляды и мировоззрения, и, к сожалению, должен отнять у Вас минуту столь драгоценного для Вас времени, которую Вы должны употребить на прочтение моего письма, и умоляю Вас прочесть моё письмо внимательно до конца, так как я хотел сказать в нем очень важное для меня: я хотел высказать ту истину, которую может чувствовать только

рабочий человек, способный говорить чистую правду. Я, пишущий эти строки,- природный рабочий, а в данное время— сельский батрак, обращаюсь к Вам, как к члену Временного правительства, в надежде, что мой голос будет услышан в среде тех, кому революционные элементы народа вверили власть нашего обновлённого государства и управление по сооружению нового демократического государственного строя на обломках старого. Я, живущий вдали от крупных центров России, где с удивительной быстротой растут и развиваются различные формы политического движения, вижу, как бурно кипит и волнуется политическая поверхность русского народного моря, и слышу отдельные голоса лиц, прославляющих свободу и призывающих охранять эту дорогую и долгожданную гостью. Среди общего шума, долетающего и в мои дикие степи, отчётливо слышу: солидные голоса буржуазии, внушительные и строгие голоса учёных, визгливые -- студентов и гимназистов, слабые – рабочих и солдат и все эти голоса тянут старинную, старинную песню, которую человечество слышало уже очень много раз: и в древней Греции из уст афинских ораторов, и в Великом Риме из уст плебейских лидеров, и у нас в России в славном Новгороде, и в эстетической Франции, Англии, Италии, Австрии, Германии, во всех государствах Европы, Азии, Америки. И вот я прежде всего должен сказать, что песня эта слишком стара и сознательный рабочий уже давно успел понять, что это не песня святой истины, а гимн гнусной лжи. Этот гимн у нас, в России, поётся теперь очень стройно, в унисон с новым правительством -- провозвестником новой лжи, которая новой представляется только нашему русскому слепому народу. Вы, управляющие разрушением старого храма лжи и старающиеся создать новый храм новой лжи, слышали из Таврического дворца взгляды всех политических партий и организаций: но не угодно ли будет выслушать мнение человека без партии и государства? Я, бедный рабочий, измученный трудом и неволей, хочу пропеть Вам, новым тиранам, одну из новых песен, которую может петь только вполне сознательный труженник. Если бы я имел возможность быть в Петрограде, то я пропел бы эту песню с трибуны Таврического дворца, но не имея таковой возможности, прошу выслушать меня посредством этого клочка бумаги.

С того момента, как с высоты трона слетел последний российский самодержец, вы со всех сторон слышите хвалебные гимны новому государственному строю и свободе. Новый строй рисуют в золотых красках, свободу воспевают под звон колоколов – вот звуки переживаемых революционных дней. Я, обличающий эту шумиху,- враг какого бы то ни было государственного строя, но свободу хотел бы прославить громче и торжественнее, чем вы, рабы грешной земли, если бы свобода явилась к нам откуда-нибудь. Но весь вопрос в том: свободу- ли вы воспеваете? Не новья -ли цепи под именем

свободы вы прославляете? Да, факты переживаемой политической действительности так ясно говорят, что даже не нужно ссылаться на историю и взгляды очень многих буржуазных ученых, которые ранее имели неосторожность намёками выразить некоторую долю истины, чтобы безошибочно сказать, что свобода и государственный порядок – несовместимы. До настоящего момента русской истории в политических спорах приходилось аргументировать, основываясь на исторических фактах политической истории Западной Европы. Но теперь, когда политические идеалы русской революции почти осуществлены, то уже нет надобности ехать за фактами за границу: они перед глазами русского человека. Русский рабочий, услышав, что царя уже нет, глубоко и наивно верит, что настал час его освобождения, а почтенный Милюков и подлая пресса ещё 2 марта объявили, что “цепи с народа сняты”. Но фактически свободы у нас не было ни одной секунды даже в самый разгар революции. Родзянко так напугался свободы, что создавшееся положение (27 фев. и 28) в Петрограде, клонившееся к осуществлению этой минутной свободы, назвал анархией, и раньше чем было снято старое самодержавное ярмо, в Таврическом дворце на скорую руку был сработан хомут, который с песнями и гимнами надели на народную шею, да и кричат на весь мир: “Свобода!!” А на самом деле это хомут... Вот насколько испорчено зрение у народа, что он не может различить две вещи: хомут и свободу!...

Но я удивляюсь, как смело и беззастенчиво люди, в интересах которых строится новый политический строй, могут лгать, называя свободой новый государственный режим. Ложь так ясно видна, что является совершенно излишним излагать отдельные факты, чтобы опровергнуть эту ложь.

У вас (обращаюсь к Временному правительству) хватает смелости говорить, что настала свобода. Но разве не на насилии основана ваша теперешняя власть над народом, которую вам вручила буржуазия? Да впрочем, разве вы будете возражать, если я скажу, что всякая государственная власть (даже и в демократических государствах) основывается на насилии по отношению к своим подданным. То, что политическая власть в демократических государствах основывается тоже на насилии, сознаётся всеми идейными защитниками этих новых государственных форм, потому что в фактах насилия выражается вся деятельность государства, и уж тут никак нельзя сказать: "нет!" А надо говорить “да”. Нет возможности также и вам, г.г. новые правители России, сказать что у вас, кроме насилия, есть другие способы управления государством. Если же вы признаете, что власть без насилия существовать не может, то я вам задам вопрос: что противоположно свободе? Вы наверно скажете: "насилие". Следовательно, там, где есть свобода, нет насилия, и там, где есть насилие, нет свободы. Теперь применим эту формулу к нашему отечеству. О том, что у нас существует свобода, уж всем очень известно. Но существует также и очень

популярная политическая власть, т.е., по общему признанию, орган насилия. Значит по вашему ложному учению, у нас живут вместе и насилие и свобода. Тогда можно будет сказать, что и огонь может ужиться с водой.

Лозунг данного времени: “Свобода!” “Долой насилие!” Но все лидеры нашего революционного движения, провозгласившие эти лозунги, проповедуют и энергично поддерживают жестокую воинскую дисциплину в войсках - эту самую грубую форму насилия. Эту же самую свободу преподносил солдатам и Родзянко с Милюковым у подъезда Таврического дворца в самый разгар борьбы за свободу, рекомендуя возставшим за свободу солдатам дисциплину, навязанную им ещё, вероятно, прадедами Николая II-го. Во всё горло кричат, что “цепи разрушены и настала свобода!” Но, черт возьми, какая это свобода, когда по-прежнему, как овец, ведут под пушки и пулеметы миллионы безгласных рабов и офицер так же, как и раньше, распоряжается этим рабом, как вещью, когда по-прежнему только грубым насилием удерживается многомиллионная армия серых рабов, когда новое правительство (также как и старое) имеет власть послать в эту кровавую пропасть (на войну) всё мужское население страны. Вы говорите, что настала политическая свобода. Так ли это? На деле же мы видим противоположное. Всякое государственное преступление, например, карается также строго, как и ранее: а разве вы не так же жестоко расправитесь с теми, кто не захотел бы дальше заниматься кровавым делом, бросил бы винтовку?

Разве вы не применили бы грубое насилие (да уже и применяли) к тем, кто захотел бы словом и делом протестовать против войны? Разве вы не посадили бы в тюрьму всякого, кто вздумал бы агитировать против нового политического строя в целях дальнейшего движения в политическом или социальном направлениях, или в целях возврата к прошлому? Так значит, к чему же сводится ваша политическая свобода? А именно к охране строящегося нового (crossed out: демократического) государственного строя, к тому, что разрешается открыто восхвалять проэктирующуюся новую форму государственного правления. Следовательно, дана свобода защищать и поддерживать только существующий государственный порядок, т.е. вернее, намеченный к существованию. Так эту свободу народ имел и раньше: Николай II-й ведь, никогда не запрещал защищать монархизм, т.е. существовавший тогда порядок.

Вы, г.г. новые правители, проповедуя на весь мир ложь, думаете, что рабочие массы так опьянены вашей ложью, что все без исключения принимают эту ложь за истину. Нет, господа, в этом вы ошибаетесь. Всякий сознательный рабочий, который получил развитие не через посредство какой-нибудь политической партии, где буржуазно-социалистическая интеллигенция заковывает в цепи его ум, прекрасно видит, что это ложь. Теперь все высшие классы хотят республики. Кучка наивных рабочих, руководимая буржуазной интеллигенцией, наивно, как дитя, предполагает, что через демократическую республику

рабочие прокладывают путь к социализму, а хитроумная буржуазия, воздвигая на развалинах самодержавного режима новый государственный строй, названный демократическим, восхищается от удовольствия и радости, видя, какая славная сеть для рабочего класса сплела она из демократической республики. Так вот, г.г. буржуазные слуги, как вы не воспевайте создаваемый вами строй, который вы для звучности называете демократическим, но сознательный рабочий смело скажет вам, что все эти республики и конституции новые цепи, созданные по мерке современного экономического строя и современной культуры, цепи, надетые на меня, труженика, с таким торжеством и ликованием. Это так ясно и понять это не может только тот рабочий, который загипнотизирован буржуазной интеллигенцией... Кто был душой нашей последней революции? Милюков, Родзянко, Маклаков, офицера, генералы, словом, представители всех высших классов и, главным образом, представители буржуазии. Мы видим также, что республику создаёт буржуазия: следовательно, если, по предположению социалистов, путь к социализму проходит через республику, то поэтому буржуазия, создавая нам республику, ведет нас к социализму. Вот к какому абсурду вы пришли, друзья социалисты! Вы, должно быть, забыли великие слова вашего великаго пророка Маркса, который говорил, что "освобождение рабочих дело самих рабочих". Буржуазия стремится к демократическим формам правления потому, что видит в них удобнейший способ угнетения и эксплуатации. Да не жели г. Милюков, Родзянко и Маклаков хотят установить новую форму правления не для себя, а для меня, измученнаго труженика, на спине котораго они сидят? Это можно сказать по отношению ко всей той интеллигенции (в особенности социалистической интеллигенции), которая постоянно твердит, что устраивая политическая бури (революции), она руководствуется одной целью – желанием народу свободы (crossed out: блага), счастья и всякаго блага, что она ставит благо трудящегося народа выше всего, что она заботится и всей душой печется о нём, проникнута желанием служить ему (т.е. его освобождению). И как это глупо верить этим словам. Да разве народ хочет, чтобы вы пеклись о нём, заботились и т.д.? Нет, народ хочет, чтобы вы слезли с его спины. Если вы хотите народу блага, счастья и проч., то слезьте с его могучей спины, на которой вы сидите и выжимаете из него соки, не живите его трудом, не жрите чужого. Если вы хотите трудящемуся народу счастья и свободы, то слезайте с его спины и становитесь рядом со мной за мою мужицкую работу: беритесь за соху и плуг вместе со мной и только тогда я поверю, что вы не можете желать мне зла... Ведь народ вами угнетен и он давно знает, что все вы сидите на его спине: и дворянин, и купец, и учёный, и поэт, и журналист, и поп и юрист – все вы с хищнической жадностью расхищаете продукты его труда. Вот отчего народ страдает и вот где корень социального зла. Для народа нужно только, чтобы вы, паразиты, не сидели на его спине, а уж как он, освобожден-

ный от вашего ига, будет управляться, заботиться не ваше дело. Но, наверное, можно сказать, что создавать государство ему будет незачем. Из истории и из текущей действительности можно почерпнуть яркие примеры и неопровержимые доказательства того, что всякое государство – это орган угнетения трудящихся классов, организация, созданная для охраны буржуазной собственности, как говорил Бебель. В особенности последнее назначение государства, как организации, охраняющей буржуазную собственность, ясно видно при смене государственных форм. У нас, в России, при самодержавном строе все были возмущены против полиции и старый режим обыкновенно называют полицейским режимом. Но теперь при новом строе народная милиция разве не та же самая полиция под новым названием? Организованы и те части милиции, которые заменяют собой сыскную полицию – бывших шпионов – предмет народной ненависти. Следовательно, во имя охранения буржуазной собственности новое правительство принуждено прибегнуть к старой системе сыска. Как только ушла с своих постов свергнутая полиция, “народной” милиции были поставлены те же цели – охрана собственности. Но какую же собственность призвана была охранять эта новая полиция? Да конечно, не собственность пролетариев: пролетарий так ограблен легальными грабителями, грабящими в рамках закона, что у него и охранять-то нечего: следовательно, и новое государство прилагает все заботы к тому, чтобы охранять награбленную с рабочего класса собственность высших классов и всеми мерами поддерживает на этот счёт закон, регулирующий грабёж. И так как вы нас, рабочих, не привлекаете к политической деятельности, сознательный рабочий ясно понимает, что государство это – орудие его угнетения и использовать этот буржуазный орган в целях своего собственного освобождения невозможно. Вот я и сказал то, что хотел сказать, но хотелось бы, чтобы эти слова услышали те, к кому я больше всего обращаюсь – члены Временного правительства и их сотрудники. Прошу не окрестить меня именем анархиста: я не анархист – я свободный от предрассудков пролетарий. Прошу извинить за грубость и форму изложения, ибо я писал не в кабинете при неограниченной свободе времени, но в поле на телеге, оторвавшись от полевых работ.

Подробности о моей личности таковы: я бывший московский рабочий из крестьян Владимирской губернии Суздальского уезда, по фамилии Земсков, как дезертир 3-й год скрываюсь в кубанских степях. Мой адрес: г. Армавир Кубанской обл., Армавирская городская управа, отдел помощи беженцам Александру Антонюку, для К. Пиковец (я проживаю под именем беженца К. Пиковец).

С глубоким извинением

Рабочий А. Земсков

26 марта 1917 г.

